

Галина Викторовна Кондратенко¹
gala103@yandex.ru

ФЁДОР ВЛАДИМИРОВИЧ СОЛОВЬЁВ — ХРАНИТЕЛЬ КИТАЕВЕДЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ И СОЗДАТЕЛЬ НОВОЙ ШКОЛЫ

В статье анализируется творческий путь советского китаеведа Ф.В. Соловьёва. Комплексный анализ трёх главных работ учёного позволил не только выявить главные темы научных изысканий, но и проследить сложный контекст исследовательской деятельности. Основными темами в исследованиях Ф.В. Соловьёва были топонимика Приморского края и китайское отходничество на Дальнем Востоке России в период с 1860 по 1917 г. Он считал, что топонимика является ключом к истории региона и изменения в топонимике связаны с трансформацией этнического состава населения. Изучение отходничества предлагает исследователям множество сюжетов — от определения характера колонизации и появления в политическом дискурсе региона темы «жёлтой опасности», рассмотрения феномена хунхузничества по обе стороны границы, исследования экономики Дальнего Востока и Маньчжурии в период с 1860 по 1917 г. до анализа социального состава китайских отходников, а также задаёт некоторую канву изучения истории аборигенного населения Приамурья и Приморья и их взаимоотношений с русскими, китайцами и маньчжурами. Труды Ф.В. Соловьёва связывают классическое и современное китаеведение: с одной стороны, он продолжает работу своих учителей и исследователей 1920—1930-х гг., а с другой стороны, изучение истории Северо-Восточного Китая — это «мостик» в будущее, и совершенно очевидно, что учёному удалось связать традиционное китаеведение конца XIX — начала XX в. и современную исследовательскую школу, его работы стали тем самым «недостающим» звеном, которое позволяет говорить о традициях китаеведения на Дальнем Востоке России.

Ключевые слова: Ф.В. Соловьёв, история Дальнего Востока, колонизация Маньчжурии, китайская топонимика, китайские отходники.

Galina V. Kondratenko¹
gala103@yandex.ru

FEDOR VLADIMIROVICH SOLOVYOV AS THE CUSTODIAN OF RUSSIAN SINOLOGY TRADITIONS AND THE FOUNDER OF A NEW SCHOOL

The article analyzes the creative path of the Soviet Sinologist F.V. Solovyov. A comprehensive analysis of the three main works of the scientist allowed not

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

only to identify the main themes in his work, but also to trace the complex context of research work. The main topics in Solovyov's research were the toponymy of the Primorsky Territory and the Chinese otkhodniki in the Far East of Russia in the period 1860–1917. He believed that toponymy is the key to the history of the region and its changes in toponymy are associated with a change in the ethnic composition of the population. The study of otkhodniks offers researchers a variety of subjects – from determining the nature of colonization and the appearance in the political discourse of the region of the theme of “yellow peril”, studying the phenomenon of hunkhuzism on both sides of the border, studying the economy of the Far East and Manchuria in the period from 1860 to 1917, to analyzing the social composition of Chinese otkhodnik, and also sets a certain outline for studying the history of the aboriginal population of the Amur and Primorye and their relationship with the Russians, Chinese and Manchus. Solovyov's works link classical and modern sinology – on the one hand, he continues the work of his teachers and researchers of the 1920s and 1930s, and on the other hand, studying the history of Northeast China is a “bridge” to the future and it is quite obvious that he succeeded to connect the traditional sinology of the late 19th – early 20th centuries and the modern research school, his work became the “missing” link that allows us to talk about the traditions of sinology in the Russian Far East.

Keywords: F.V. Solovyov, history of the Far East, colonization of Manchuria, Chinese toponymy, Chinese otkhodniki.

Дальневосточное востоковедение отмечено тонкой и иногда прерывистой линией на карте науки региона. Красными пунсонами на ней горят судьбы людей, стоявших у истоков, создавших школу научно-практического востоковедения. История его на Дальнем Востоке России сложна, она зависела от внутривосточной конъюнктуры, специфики международных отношений, ситуации в основных востоковедческих центрах страны. В некоторые моменты могло показаться, что дальневосточное востоковедение сломалось и исчерпало себя под гнётом репрессий и вследствие бегства учёных в 1930-е гг. Человек, родившийся в начале XX в., сполна ощутил эту сложность; тем более удивительно, что в такой обстановке дальневосточные востоковеды смогли не просто сохранить традиции и накопленный опыт, но и плодотворно заниматься своим делом. Одним из таких исследователей был Фёдор Владимирович Соловьёв (рис. 1).

Ф.В. Соловьёв родился 24 декабря 1913 г. в с. Успенка Красноярского края, в 19 лет переехал с родителями на станцию Уссури Приморского края и поступил на работу на лесозавод. По его воспоминаниям, именно там он впервые познакомился с китайцами, и у него появилось желание изучать язык, культуру и историю Китая [5, с. 28]. В 1934 г. его мечта сбылась: по путёвке Шамаковского райкома ВЛКСМ, сдав 5 обязательных экзаменов (русский язык, история народов СССР, конституция СССР, иностранный язык, математика) и дополнительный — по географии, он был зачислен на китайское отделение Дальневосточного государственного университета,

который вступал в самый драматичный период своего существования.

С 1928 г. началась переориентация с классического филологического на экономическое востоковедение, но в начале 30-х гг. вновь произошла смена приоритетов — стране нужны были военные переводчики с превосходным знанием разговорного языка и военной специфики. В 1934 г. подготовка востоковедов снова свелась к универсальной специализации в сфере лингвистики, хотя военная подготовка сохранялась.

К 1930-м гг. в университете была подготовлена теоретическая и методологическая основа преподавания китайского языка, истории и культуры Японии, Китая и Кореи. Работы А.И. Конрада «История Китая» и «История Японии» заложили основы развития востоковедения, и многие преподаватели были продолжателями его традиции. Учебник П.П. Шмидта «Опыт мандаринской грамматики», ряд его очерков по тунгусо-маньчжурским языкам, написанные директором Восточного института А.В. Рудаковым «Практический словарь служебных слов китайского литературного языка», «Словарь китайских терминов», «Основные элементы китайского литературного языка со стороны синтаксиса и стиля в связи с историей языка и литературы», «Очерки торгового быта современного Китая: пособие к изучению коммерческой терминологии и коммерческих документов» создали фундамент для изучения китайского языка на несколько десятилетий вперёд. В своих воспоминаниях Ф.В. Соловьёв отмечает, что на трудах Д. Позднеева, А. Рудакова, Н. Кюнера, А. Гребенщикова учились выпускники восточного факультета ДВГУ 1920—1939-х гг. [5, с. 27]. Их книги сформировали концепцию новой научно-практической школы российского китаеведения. Ф.В. Соловьёв не только ссылался на некоторые работы своих учителей, в частности на монографии А.В. Рудакова «Материалы по истории культуры в Гиринской провинции» и «Поземельный вопрос в Гиринской провинции в связи с её заселением», но и фактически ввёл их в научный оборот, внося тем самым вклад в развитие востоковедения, поскольку научных работ по истории Маньчжурии позднецинского периода было очень мало.

Рис. 1. Ф.В. Соловьёв
(1913—1999)

В воспоминаниях и интервью Ф.В. Соловьёв не очень охотно рассказывал о своей студенческой жизни (возможно, из-за драматических событий 30-х гг., о которых немало написано [3, с. 101–148]), но с удовольствием говорил, что ДГУ подарил ему дружбу с Р.В. Вяткиным², с которым он поддерживал отношения всю жизнь. Учёба Ф. Соловьёва продлилась 5 лет. Выпускники этого периода получили прогрессивное и современное образование, а небольшие выпуски делали восточников востребованными специалистами. Каждый из 27 выпускников 1939 г. имел 2–3 приглашения от различных организаций [3, с. 123]. Одним из мест распределения выпускников восточного факультета был Тихоокеанский флот, а беспокойная обстановка в регионе и неопределённые перспективы с работой в «мирной» сфере предопределили выбор Ф.В. Соловьёва. Во время войны он с семьёй был отправлен в Корею в качестве секретаря генерального консульства СССР в Сеуле, а затем работал секретарём консульства в г. Маньчжурия в Северо-Восточном Китае. После войны и отъезда на родину, понимая, что вернуться в академическое китаеведение невозможно, Ф.В. Соловьёв продолжал службу в Тихоокеанском флоте до 1960 г.

После трагических событий 1930-х гг. и ликвидации Дальневосточного государственного университета востоковедение в регионе несколько десятилетий переживало кризис, но в Дальневосточном филиале СО АН СССР были возможности заниматься историей Дальнего Востока. Для Ф.В. Соловьёва, которого всегда интересовала наука, это был шанс. Он уволился с военной службы, перешёл на должность переводчика китайского языка в Институте геологии, затем возглавлял отдел кадров и аспирантуры Дальневосточного филиала и в 1961 г. попросил перевести его в отдел истории. В 1971 г. этот отдел был преобразован в Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, и именно с ним были связаны перспективы возрождения востоковедения в регионе.

Ещё в отделе истории, в 1965 г. Ф.В. Соловьёв начал работать над темой «Иноязычные топонимы в Приморском крае» под руководством Ю.А. Сема³, консультантом была назначена Л.И. Сем. Тема была рассчитана на два года; среди мероприятий плана можно отметить изучение карт и архивных материалов, составление картотеки и библиографии топонимов Приморского края и проведение полевых исследований. Кроме того, планом было предусмотрено и написание словаря топонимов Приморского края.

В 1968 г. Ф.В. Соловьёв защитил кандидатскую диссертацию «Появление и распространение китайских географических названий на территории советского Приморья» и приступил к монографии, которая обобщала его опыт изучения топонимии Приморского края и исследование истории

² Вяткин Рудольф Всеволодович (1910–1995) — советский и российский востоковед, переводчик «Исторических записок» («Ши цзи») Сыма Цяня, исследователь исторической науки Китая.

³ Сем Юрий Александрович (1925–1995) — советский этнограф, исследователь истории и культуры аборигенных народов русского Дальнего Востока, основатель современной дальневосточной этнографической школы.

взаимодействия Китая с тунгусо-маньчжурами в XVI — начале XVII в., истории присоединения Приамурья и Приморья к России и этнического состава Приморья в XVII — первой четверти XIX в.

В монографии «Китайские отходники и их географические названия в Приморье (вторая половина XIX — начало XX в.)» рассмотрены история, этнический состав населения и топонимика (этнотопонимика) Приморья⁴. Особое внимание автор уделяет китайским отходникам в Приморье и их названиям, которые появляются с приходом китайцев в новые для них места, а также динамике изменения топонимов и гидронимов под влиянием русских переселенцев, которые давали свои названия или же «русифицировали» китайские и аборигенные.

Во введении Ф.В. Соловьёв указывает, что открытие и освоение русскими Дальнего Востока и колонизация Маньчжурии рассматриваются в работе как «исторический фон» для исследования феномена китайского отходничества и топонимов, которые они принесли в Уссурийский край. Оценивая историографию, он подчёркивает, что в первые два десятилетия после заключения Айгуньского и Пекинского договоров изучением появления китайцев и их топонимов в Приморье никто не занимался, упоминания о китайцах встречаются только в отчётах путешественников (Н. Пржевальский, М. Венюков, Р. Маак). Лишь в 80-х гг. XIX в. И. Надаров опубликовал материалы о китайцах в Уссурийском крае. А первыми исследователями китайских топонимов Соловьёв считает В. Арсеньева и нескольких советских учёных с работами о китайских названиях⁵. Особую ценность монографии Ф.В. Соловьёва придаёт использование неопубликованных источников (материалы архивов, отчёты полевых экспедиций), китайских и японских историко-географических описаний и карт (фотокопии некоторых из них хранятся в архиве отдела китайских исследований ИИАЭ ДВО РАН).

В первой главе Ф.В. Соловьёв даёт подробный обзор русской и китайской картографии Приморья и Маньчжурии (Тартарии, как она названа на некоторых европейских картах), показывает невысокую степень осведомлённости китайской географической науки о Приморье. Изучение данной территории до второй половины XIX в. велось очень фрагментарно, в основном исследователи ориентировались на сведения, полученные от коренного населения. Карты местности были неточными, при их составлении использовались аборигенные названия. Также автор приводит сведения о русских экспедициях по изучению края (Амурская экспедиция Г. Невельского, Уссурийская экспедиция К. Будогосского, путешествия К. Максимовича, М. Венюкова, Р. Маака, В. Арсеньева и т.д.), в ходе которых не только составлялись карты, но и давалось описание природных условий и местного населения. В результате в период 1860—1870-х гг. вышел

⁴ Под Приморьем автор понимает территорию, которая в настоящее время является Приморским краем.

⁵ Это работы Т.Ф. Скворцова-Токарина «Географические названия Дальневосточного края у местных китайцев» и доклад Ю.А. Сема на Всесоюзной конференции по топонимике СССР «О топонимике южной части советского Дальнего Востока».

ряд географических карт и описаний Приморского края и карты Южно-Уссурийского края. Эти исследования создавали условия для быстрого и эффективного освоения новых территорий. Ф.В. Соловьёв детально описывает географическое положение края, границы и территорию Приморья и представляет исторический очерк аборигенного населения; ссылаясь на данные вышеуказанных источников, он доказывает, что местное население до прихода русских было независимым и сохраняло самобытные язык, культуру и обычаи, но поддерживало отношения с маньчжурами.

В первом параграфе второй главы автор на основе архивных документов описывает сложность процессов переселения на Дальний Восток и его освоения и замечает, что логика развития региона определялась не только внутренними причинами, но и характером отношений с Китаем в контексте параллельного процесса колонизации Маньчжурии (хотя выше Ф.В. Соловьёв указывал, что после подписания Айгуньского договора цинские власти не препятствовали заселению Приморья). Делая выводы, он пишет, что присоединение Приморья к России в 1860 г. «произошло по просьбе аборигенных народов края» [7, с. 96] и стало лишь формальным актом закрепления исторически сложившихся к этому времени границ между Российским и Дайцинским государствами на Дальнем Востоке. Эти обстоятельства создали условия и перспективы для освоения слабоизученных и малозаселённых территорий. В итоге к концу XIX столетия в Приморье русские преобладали над другими национальными группами населения. Таким образом край стал русским не только формально, но и фактически.

Во втором параграфе, следуя хронологическому принципу, учёный говорит о появлении в крае китайцев, подчёркивая, что до середины XIX в., согласно «расспросам» аборигенов, на данной территории их не было. Также он скрупулёзно описывает процесс колонизации Маньчжурии и указывает, что этот регион стал «воротами», через которые ханьцы попадали в Приморье. Активное освоение Маньчжурии вызывало у русской администрации (прежде всего военной) определённые опасения относительно «китайской экспансии» в крае. Ссылаясь на архивные документы [7, с. 271—272], Ф.В. Соловьёв говорит о том, что только освоение Маньчжурии дало возможность китайцам проникать в Приморье; он определяет их как «отходников», описывает их численность (приводит богатый статистический материал), образ жизни и основные занятия: работа на предприятиях и земледелие с огородничеством. Оценивая параллельные процессы освоения Маньчжурии и Приморья, прихода в край русских и китайцев, учёный утверждает, что сложившаяся историческая обстановка на русском Дальнем Востоке во второй половине XIX в. обусловила «образование в Приморье разнородного этнического состава населения» [7, с. 140]. Это послужило основой для появления и распространения различных по происхождению этнопонимов.

В третьей главе описаны аборигенная, славянская и китайская топонимики Приморского края. Ф.В. Соловьёв представляет очерк истории

Приморья, при этом особую ценность представляет таблица, составленная по картографическим источникам, в которой собран сравнительный список гидронимов Приморья с XVI до середины XIX в. [7, с. 147]. Анализ топонимики показывает, что на территории Приморья с XVII по XIX в. жили тунгусо-маньчжурские племена и благодаря их постоянному присутствию местные географические названия оставались неизменными. Сохранение же аборигенных топонимов вплоть до присоединения Приморья к России указывает на то, что в данный период отсутствовало значимое влияние соседних государств и народов на жизнь в крае.

Обобщая материалы по славянской топонимике, автор подчёркивает, что она возникла и сложилась в ходе открытия, описания и заселения Приморья русскими и отражает новую историю края со второй половины XIX в. Продолжая придерживаться принципа историзма, в третьем параграфе данной главы Ф.В. Соловьёв переходит к анализу китайской топонимики и делает вывод, что китайские географические названия появились «после 1860 г. в результате проникновения и временного пребывания китайских отходников в крае» [7, с. 181]. Их распространению и введению в употребление способствовали русские исследователи, путешественники и топографы, которые небрежно относились к сбору и оценке топонимов. Китайские географические названия в основном носили маршрутный характер, и, будучи временными, многие из них исчезали (изменялись) вместе с уходом их создателей. Из всех имеющихся в Приморье топонимов и гидронимов китайские названия составляли 11,6%.

Четвёртая глава является уникальной, поскольку в ней автор собрал, обработал и классифицировал китайские топонимы Приморского края. Приведены примеры и таблицы со структурой топонимов и гидронимов в регионе [7, с. 195—199]. В результате статистического анализа топонимов Ф.В. Соловьёв пришёл к выводу, что большинство названий относится к микротопонимике таёжных районов края: правого берега Суйфуна, истоков Уссури, бассейна Сучана, где до 90-х гг. XIX в. русское население почти отсутствовало, а китайские отходники вели активный сбор женьшеня, охотились и купали у аборигенов пушнину, занимались производством опиума и водки. Несмотря на то, что китайцы пребывали в крае временно и их состав постоянно менялся, они оставили после себя значительное число топонимов, которые вошли в географические описания и были помещены на карты Приморского края. Кроме того, лексикон словаря топонимов небольшой и малосодержательный из-за использования ограниченного количества формантов. Представленные в нём единицы отражают связь человека с природой и совершенно не указывают на исторические события и имена людей, которые обычно возникают при открытии, освоении и развитии новых территорий.

Доказывая аборигенное происхождение исконных (изначальных) топонимов Приморья, Ф.В. Соловьёв приводит доводы о том, что на территории Приморского края коренным населением были тунгусо-маньчжурские народы, а не китайцы (ханьцы). В то же время он отмечает, что

китайские отходники либо давали свои наименования (привязанные к местности) географическим объектам, либо переименовывали аборигенные названия (приспосабливали фонетику под китайский язык). Учёный настаивает на вторичности китайских названий и показывает, как они накладывались на аборигенные. Китайская группа топонимов в Приморье появилась в 1878 г., когда Китай начал активную колонизацию Маньчжурии. Территория Приморья относится к «контактным» регионам, поэтому многие названия искажались, забывались, смешивались друг с другом, а вместе с русским освоением Приморья появлялись альтернативные наименования, фонетически непохожие на аборигенные и китайские.

Кроме того, Ф.В. Соловьёв отмечает, что китайские географические названия неравномерно распределены по территории Дальнего Востока и наибольшее их количество встречается в Приморском крае. Учёный связывал распределение китайских топонимов со своеобразным маршрутом передвижения китайцев сухопутным путём из Маньчжурии в Приморье и обратно, и делал вывод, что в целом количество топонимов пропорционально численности китайцев, пребывавших в крае. Знание современного китайского языка, вэньяня и работа с картами (с постоянно меняющимися названиями) позволили Ф.В. Соловьёву рассуждать о развитии китайского языка (северного диалекта), что показывает междисциплинарность исследований топонимики Приморского края. В данной и последующих своих работах исследователь подчёркивает, что топонимика является ключом к истории региона и топонимы позволяют изучать малоизвестные периоды истории Приморья.

Разработка и апробирование метода изучения китайских наименований, работа с картографическими материалами и подготовка ряда исследований по топонимике Приморского края сыграли роль и в экспертной карьере Фёдора Владимировича. В 1970 г. вследствие ухудшения отношений с КНР и в целях отклонения возможных территориальных претензий на дальневосточные регионы со стороны Пекина было принято решение изменить все географические названия, имевшие китаеязычное происхождение [6]. В специальную топонимическую комиссию при Приморском крайисполкоме Ф.В. Соловьёв был включён в качестве эксперта-китаиста.

Интересно, что в 1963 г. на северо-востоке Китая начался аналогичный процесс переименования объектов, носящих русские названия. Так, в провинции Хэйлунцзян на тот момент было отмечено 29 русскоязычных топонимов, 20 из которых дублировали китайские названия. Работа была прервана из-за «культурной революции», и только в 1977 г. вышло постановление Революционного комитета провинции Хэйлунцзян о переименовании местных географических названий: 29 топонимов по причине происхождения из русского языка, и ещё 52 — по другим причинам (уточнение иероглифического написания, связь с историей японской оккупации или Маньчжоу-го) [4, с. 91].

К декабрю 1972 г. процесс смены традиционных названий в Приморском крае на «славянские» по происхождению завершился. В это время

Ф.В. Соловьёв начал подготовку «Словаря китайских топонимов на территории советского Дальнего Востока». За десятилетие, предшествовавшее написанию словаря, он провёл большую исследовательскую работу, изучая китайские, аборигенные и славянские топонимы региона. Были подготовлены и изданы следующие работы: «Славянская топонимика Приморья», «Некоторые сведения о тунгусо-маньчжурских топонимах Приморья в „Дацинитунчжи“», «Происхождение и расшифровка основных иностранных топонимов в Приморском крае», «К истории топонимики Приморья», «Происхождение некоторых иноязычных топонимов в Приморском крае» (ряд других работ по данной тематике представлена в Приложении 1).

Анализ топонимов, включённых в словарь, строился на выявлении и классификации формантов (сходные в фонетическом и семантическом отношении окончания названий географических объектов, формирующие определённые топонимические ряды⁶), также использовался сравнительный анализ топонимов, этнонимов и гидронимов, связанных с расселением больших маньчжурских родов. Автор выделил форманты, которые являются показателями этнической принадлежности топонимов и гидронимов. При классификации названий — аборигенных, китайских и иноязычных — Ф.В. Соловьёв относил к китайским только те, в которых чётко определялись форманты (гора, река, озеро, падь, деревня и т.д.). Каждый словообразующий компонент (формант) одновременно является и словом. Письменно он изображается иероглифом, который представляет собой самостоятельную морфологическую и фонетическую единицу. Учёный объясняет, что китайские географические названия на русском Дальнем Востоке никогда не имели своего иероглифического написания. Топонимы были записаны русскими исследователями на слух со слов китайцев, которые сами не знали китайской письменности. Поэтому перевод некоторых китайских топонимов является условным.

Ф.В. Соловьёв указывает, что отсутствие письменности у местных тунгусо-маньчжуров и перенос наименований на карты «со слов» аборигенов также приводили к искажению и возникновению многочисленных вариантов, зачастую фонетически очень разнородных. Отчасти он опирался на топографические названия, которые приводил в своей книге «Китайцы в Уссурийском крае» В. Арсеньев, однако при этом Ф.В. Соловьёв применял фонетический метод разбора топонимов и объяснял привязку названий к определённому ландшафту и типу местности. Исследователь отмечает, что китайские названия существовали в чужой языковой среде и это обуславливало их изменение: к моменту составления «Словаря китайских топонимов» практически не было ни одного «правильно написанного» китайского наименования. Причём с течением времени они стали непонятными и для самих китайцев.

⁶ Впервые Ф.В. Соловьёв представил такой анализ в книге «Китайские отходники и их географические названия в Приморье (вторая половина XIX — начало XX в.)» [7, с. 7].

В пояснительной статье к словарю нет научного аппарата, так как издание не предполагалось выпускать как академическое, но есть богатый справочный материал, с помощью которого Ф.В. Соловьёв объяснил методику выборки топонимов и их происхождение. Опубликованное под грифом «для служебного пользования» и ставшее доступным широкому кругу читателей только в 1990-е гг., оно вызывает много споров и до сих пор является практически единственным в своём роде. Исследователи топонимики Приморского края либо ссылаются на определённые статьи, не имея возможности проверить информацию по альтернативным источникам, либо проводят собственное «расследование».

Исследование топонимики подтолкнуло Ф.В. Соловьёва перейти к изучению китайских отходников (определение он ввёл ещё в первой монографии), и он обратил более пристальное внимание на историю региона и китайское присутствие в нём. После защиты докторской диссертации в 1978 г. Ф.В. Соловьёв начал работу над монографией «Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861—1917 гг.)».

Обращаясь к переписке учёного с руководством института, мы видим, как боролся автор за то, чтобы его работа стала доступна широкому кругу читателей, а не получила гриф «ДСП» и превратилась в библиографическую редкость. К моменту подготовки книги к печати советско-китайские отношения стали улучшаться, и Ф.В. Соловьёв согласился смягчить многие формулировки, отчасти переработать введение и заключительную часть. Благодаря своей настойчивости, поддержке коллег, научной и политической важности работы он смог добиться, чтобы рукопись была включена в издательский план Института Дальнего Востока, и дальнейшая переписка с редакторами и рецензентами велась по существу. Нужно отметить, что автору предлагали отказаться от термина «отходник» и заменить его на «иммигрант». Претензия была отклонена, поскольку, по мнению исследователя, работа соответствовала духу времени и её целью было доказать несостоятельность китайских притязаний на земли советского Дальнего Востока. Рецензенты отмечали, что монография о китайских отходниках являлась первым в отечественной (и возможно в мировой) историографии подобным трудом. В 1984 г. рукопись была отрецензирована в МИД СССР, и в целом работа была признана готовой для публикации в открытом доступе.

Целью данной монографии Ф.В. Соловьёв объявлял «всесторонний анализ причин и характера китайского отходничества на русском Дальнем Востоке, социального состава и географии расселения отходников, основных видов занятий, некоторых сторон их быта и общественной жизни» [8, с. 9]. В то же время он приводит аргументы о том, что все китайцы в Уссурийском крае были «временными», уточняет позицию В.М. Кабузана [8, с. 8] и доказывает, что Дальний Восток принадлежит России и притязания китайской власти на эти территории несостоятельны. Поэтому в отношении китайских сезонных трудовых мигрантов исследователь вводит в научный оборот термин «китайские отходники», хотя определение

«отходничество» в отечественной исторической науке относилось к крестьянам, временно уходящим из деревни в города и на сельскохозяйственные работы в другие местности [1, с. 100]. Ф.В. Соловьёв придаёт термину «отходничество» трансграничный характер и подчёркивает, что это явление возникло в Китае во второй половине XIX — начале XX в. вследствие разложения натурального хозяйства и становления капиталистических отношений. Историк С. Глебов пишет, что в российской дореволюционной историографии всё китайское население Дальнего Востока традиционно рассматривается как «мигранты» или «странствующие» [9, р. 103]. Ф.В. Соловьёв же ввёл термин, который на несколько десятилетий закрепился в исследованиях, посвящённых этой теме.

В монографии открывается и «параллельная» тeneвая история Приморского края, которая позволила китайским властям говорить о своих притязаниях на эту территорию. Автор также касается и «третьей» истории Приморского края — истории аборигенов, которые не имели отношения ни к русским, ни к китайским поселенцам. В книге нет определения колонизации, хотя учёный делает акцент на хозяйственном освоении Дальнего Востока и китайской колонизации Маньчжурии. Описывая освоение Маньчжурии и приграничных территорий, Ф.В. Соловьёв говорит о двух типах китайской колонизации, которые подробно описывает, — поселенческой колонизации в цинской Маньчжурии и промысловой на русском Дальнем Востоке (последняя является крайней формой из набора колонизационных практик).

Ф.В. Соловьёв акцентирует внимание на том, что во второй половине XIX и в начале XX в. Россия переживала период экономического подъёма, а экономика Китая была в кризисе, но не выходит за рамки Уссурийского края и не касается вопросов русского присутствия в Маньчжурии. Он подробно описывает вопросы переселения крестьян и позднее рабочих в Приморскую и Амурскую области, подчёркивая проблему нехватки рабочих рук, которая не могла решаться только с помощью внутренних ресурсов государства. И поэтому процесс притока иностранной рабочей силы в регион нового освоения выглядит естественным и экономически целесообразным.

Формы и способы освоения Дальнего Востока поддерживались и процессами колонизации соседней Маньчжурии, описанию которой автор отводит существенное место, показывая именно экономический характер отходничества китайцев.

В целом Ф.В. Соловьёв обобщает процесс переселения в Приамурье (земледельческого освоения, военной колонизации) и сравнивает его с опытом освоения Маньчжурии. Он разделяет опыт официального переселения ханьцев на Северо-Восток и их самовольного перемещения на северо-восточную окраину. Процесс заселения Маньчжурии ханьцами охватывает намного более длительный отрезок времени, относительно хронологических рамок исследования Ф.В. Соловьёва.

Ханьское заселение Маньчжурии может быть разделено на периоды поощрения, а также частичного и полного запрета переселения. Разрешив

в 1653 г. китайцам занимать пустующие земли на Ляодуне и даже предоставив последним льготы, в 1688 г. маньчжурское правительство отменяет все указы из-за многочисленных жалоб маньчжуров на ханьцев. В то же время Северо-Восток империи Цин стал местом ссылки и отбывания каторги для участников антиманьчжурских восстаний. Ссылные привлекались к строительству инфраструктуры в регионе и зачастую оставались там после отбытия наказания. Параллельно шёл процесс нелегального переселения разорившихся крестьян и торговцев-ханьцев на данную территорию; последующие указы о разрешении и запрещении лишь закрепляли сложившуюся ситуацию, и это заметно по отчётам чиновников.

До Айгуньского и Пекинского договоров колонизация Маньчжурии диктовалась внутренними процессами Цинской империи, но после их подписания и начала активного освоения Приамурья русскими с 60-х гг. XIX в. маньчжурской администрации пришлось окончательно отказаться от планов сохранения «маньчжурского заповедника», встраиваться в логику освоения соседнего региона и предпринимать ответные шаги (создание в приграничной зоне военных поселений, учреждение в 1878 г. во всех провинциях Маньчжурии колонизационных бюро и т.д.). Ф.В. Соловьёв заочно спорит с некоторыми исследователями колонизации Маньчжурии (в частности, с Л.М. Болховитиновым), прежде всего военными, которые считали, что целью данного процесса было решение приграничных вопросов (Ф.В. Соловьёв полагает, что этот вопрос стал актуальным только после 60-х гг. XIX в.). Учёный определяет основную причину освоения Маньчжурии недостатком земли в Китае, тогда как Л.М. Болховитинов пишет, что с 1903 г. процесс колонизации стал активно регулироваться цинской администрацией другим способом и получил название «меры по укреплению границ» [2].

Описывая процессы освоения двух смежных территорий, Ф.В. Соловьёв объясняет причины китайского отходничества и, отказавшись от анализа сложных внешнеполитических процессов, даёт экономическое обоснование китайского присутствия на Дальнем Востоке. Кроме того, он восстанавливает исследовательскую традицию изучения Маньчжурии, активно ссылаясь на работы дореволюционных учёных, в частности А.В. Рудакова, который к тому же был его учителем.

Вторая часть монографии «Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861—1917 гг.)» посвящена пребыванию китайцев на территории Дальнего Востока. В фокусе внимания автора — их трудовая деятельность и устройство быта; дана некоторая оценка отношений с местным населением, особенно с аборигенным.

В книге выделены несколько видов занятости отходников. Главное место отводится категориям, которые играли заметную роль в хозяйственной жизни Приамурья: 1) рабочие, 2) торговцы и предприниматели, 3) промысловики, 4) хунхузы. При этом Ф.В. Соловьёв однозначно положительно оценивает деятельность рабочих, отмечает как положительные, так и отрицательные последствия работы торговцев

и предпринимателей и крайне негативно описывает деятельность промысловиков. Коротко обобщим его исследование:

Учёный делает акцент на сезонности труда рабочих, приезжающих на Дальний Восток из центра и Сибири (от 4—5 месяцев в золотодобыче до 9—11 месяцев при добыче угля). С 70-х гг. XIX в. китайцы были заняты в стратегические отрасли:

- золотодобыча;
- строительство дорог и позднее Транссиба;
- капитальное строительство (портов, военных объектов, жилищное и инфраструктурное в городах);
- горнорудная промышленность,
- лесозаготовки.

Их численность оценивается в 40 тыс. чел., при этом подчёркивается, что не было учтено количество прислуги в городах и сельхозрабочих.

Зарплата китайских рабочих и издержки на их содержание были примерно на 1/3 ниже, чем у русских, поэтому нанимать их было выгодно. В 1910 г. был принят закон о запрещении привлечения иностранцев к казённым работам, и это привело к некоторому оттоку китайцев, большая часть которых была занята именно там.

До 1910 г. численность китайских торговцев была значительно выше, чем русских, а создание своих торговых сетей и использование собственных методов (работа со своими поставщиками, создание внутреннего цикла, связь с маньчжурскими и шанхайскими торговыми домами) давали им преимущество над русскими.

Китайские торговцы и предприниматели играли определённую роль в экономике городов и труднодоступной сельской местности, где была затруднена деятельность русской администрации, они заботились о своих соотечественниках и занимались благотворительностью. При этом до 1907 г. Главное торговое общество вело на таких территориях параллельную административную работу, судебную деятельность и эксплуатировало аборигенное население, принуждая его жить по китайским законам. Ф.В. Соловьёв также описывает и незаконную деятельность китайских предпринимателей, которые в обход русского законодательства занимались винокурением, выращиванием опиума и распространением этой продукции среди аборигенов.

Промысловики — это самый маргинальный слой отходников (не считая бандитов-хунхуз), которые после 1870-х гг., получив рынок сбыта в Китае, вели хищническую добычу ресурсов, начиная с женьшеня и заканчивая морскими биоресурсами.

В целом автор характеризует созданную китайскими предпринимателями теневую экономику, в которую были вовлечены и китайские рабочие, и аборигенное население, и русская администрация низового уровня (коррупционные схемы). Более подробно это описано в третьей части книги, в которой исследуются вопросы быта китайцев. Вплоть до начала XX в. они создавали закрытые общины, в которых жили по своим законам.

Закреплению обособленности иностранцев на Дальнем Востоке способствовало постановление от 1902 г. об учреждении специальных кварталов в городах, что привело в конечном итоге к созданию обособленной инфраструктуры — почта, игорные дома, опиекурильни, заведения общепита и даже театры и клубы, в которых китайцы оставляли свои заработанные деньги и из которых происходил отток денег в Китай. Эти кварталы создавали сложную криминогенную обстановку в городах и формировали негативное отношение русских к китайцам.

Подводя итоги, можно говорить о том, что Ф.В. Соловьёв, изучая освоение смежных регионов России и Китая и жизнь китайских отходников, открывает «параллельную», скрытую историю Приморского края, которая стала основанием для китайских властей говорить о своих притязаниях на эту территорию. В то же время автор ставит задачи показать участие китайцев в освоении Приамурья, но не касается проблем «русской колонизации» Маньчжурии и Русско-японской войны — процессов, влиявших на политику в отношении иностранцев в Приморской и Амурской областях.

Изучение отходничества даёт множество исследовательских сюжетов, связанных с историей Дальнего Востока и Маньчжурии — начиная с определения характера колонизации и появления в политическом дискурсе региона темы «жёлтой опасности», рассмотрения феномена хунхузничества по обе стороны границы и экономики приграничья в период с 1860 по 1917 г. и заканчивая исследованием социального состава китайских отходников, а также задаёт некоторую канву изучения истории аборигенного населения Приамурья и Приморья и их взаимоотношений с русскими, китайцами и маньчжурами.

Работы Ф.В. Соловьёва связывают классическое и современное китаеведение: с одной стороны, он продолжает работу своих учителей и исследователей 1920—1930-х гг., а с другой стороны, изучение истории Северо-Восточного Китая — это «мостик» в будущее, и совершенно очевидно, что учёному удалось соединить традиционное китаеведение конца XIX — начала XX в. и современную исследовательскую школу, его работы стали тем самым «недостающим» звеном, которое позволяет говорить о традициях китаеведения на Дальнем Востоке России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аркадьева Т.Г., Васильева М.И., Проничев В.П., Шарри Т.Г. Словарь русских историзмов: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2005. 228 с.
2. Болховитинов Л.М. Колонизация Дальнего Востока. URL: http://grandwar.kulichki.net/books/bolhov_01.html (дата обращения: 21.08.2019).
3. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899—1999. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1999. 704 с.
4. Зуенко И.Ю. Исчезнувший образ: топонимика русского происхождения в провинции Хэйлунцзян и Автономном районе Внутренняя Монголия КНР // Известия Восточного Института. 2018. № 2. С. 85—98.

5. Моя жизнь в науке. Воспоминания доктора исторических наук Фёдора Владимировича Соловьёва // Россия и АТР. 1999. № 2. С. 26—33.
6. Постановление Совета министров РСФСР от 29 декабря 1972 г. № 753 «О переименовании некоторых физико-географических объектов, расположенных на территории Амурской области, Приморского и Хабаровского краёв». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7958.htm (дата обращения: 15.05.2019).
7. Соловьёв Ф.В. Китайские отходники и их географические названия в Приморье (вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток, 1973. 281 с. ДСП.
8. Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861—1917 гг.). М.: Наука, 1989. 124 с.
9. Glebov S. Between Foreigners and Subjects: Imperial Subjecthood, Governance, and the Chinese in the Russian Far East, 1860s—1880s // *Ab Imperio*. 2017. No. 1. P. 83—130.

REFERENCES

1. Arkad'eva T.G., Vasil'eva M.I., Pronichev V.P., Sharri T.G. *Slovar' russkikh istorizmov: ucheb. posobie* [Dictionary of Russian Historicisms: Textbook Allowance]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2005, 228 p. (In Russ.)
2. Bolhovitinov L.M. *Kolonizatsiya Dal'nego Vostoka* [Colonization of the Far East]. Available at: http://grandwar.kulichki.net/books/bolhov_01.html (accessed 21.08.2019). (In Russ.)
3. *Dal'nevostochnyy gosudarstvennyy universitet. Istoriya i sovremennost'. 1899—1999* [Far Eastern State University. History and Modernity. 1899—1999]. Vladivostok, Izd-vo DVGU Publ., 1999, 704 p. (In Russ.)
4. Zuenko I.Yu. Ishcheznuvshiy obraz: toponimika russkogo proiskhozhdeniya v provintsiy Heyluntszyan i Avtonomnom rayone Vnutrennyaya Mongoliya KNR [The Lost Image: Place Names of Russian Origin in Heilongjiang Province and Inner Mongolia Autonomous Region of the PRC]. *Izvestiya Vostochnogo Instituta*, 2018, no. 2, pp. 85—98. (In Russ.)
5. Moya zhizn' v nauke. Vospominaniya doktora istoricheskikh nauk Fedora Vladimirovicha Solov'eva [My Life in Science. Memories of Doctor of Historical Sciences Fedor Vladimirovich Solovyov]. *Rossiya i ATR*, 1999, no. 2, pp. 26—33. (In Russ.)
6. *Postanovlenie Soveta ministrov RSFSR ot 29 dekabrya 1972 g. № 753 "O pereimenovanii nekotorykh fiziko-geograficheskikh ob"ektov, raspolozhennykh na territorii Amurskoy oblasti, Primorskogo i Khabarovskogo kraev* [Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR Dated December 29, 1972 No. 753 "On Renaming Some Physical and Geographical Objects Located in the Amur Region, Primorsky and Khabarovsk Territories"]. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7958.htm (accessed 15.05.2019). (In Russ.)
7. Solov'ev F.V. *Kitayskie otkhodniki i ikh geograficheskie nazvaniya v Primor'e (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [Chinese Otkhodniki Workers and Their Geographical Names in Primorye (Second Half of the 19th — Early 20th Centuries)]. Vladivostok, 1973, 281 p. DSP. (In Russ.)
8. Solov'ev F.V. *Kitayskoe otkhodnichestvo na Dal'nem Vostoke Rossii v epokhu kapitalizma (1861—1917 gg.)* [Chinese Otkhodniki in the Far East of Russia in the Era of Capitalism (1861—1917)]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 124 p. (In Russ.)
9. Glebov S. Between Foreigners and Subjects: Imperial Subjecthood, Governance, and the Chinese in the Russian Far East, 1860s—1880s. *Ab Imperio*, 2017, no. 1, pp. 83—130. (In Eng.)

Список основных работ Ф.В. Соловьёва (1968—1989 гг.)

1. Первые сведения о топонимах Приморья // Вопросы истории, философии, географии и экономики Дальнего Востока. Материалы IX конференции молодых учёных. Владивосток, 1968. С. 228—234.
2. Топонимика и вопросы истории Дальнего Востока // Труды ДВНЦ АН СССР. Сер. История. Т. 8. История, социология и филология Дальнего Востока. Владивосток, 1971. С. 135—137.
3. Китайские отходники и их географические названия в Приморье (вторая половина XIX — начало XX в.) / отв. ред. Ю.А. Сем. Владивосток, 1973. 281 с. ДСП.
4. Китайская историография истории советского Дальнего Востока // История, археология и этнография народов Дальнего Востока: научные доклады VIII Дальневосточной конференции по проблемам исторической науки. Владивосток, 1973. Вып. 1. С. 41—48.
5. Исследования и перспективы развития востоковедения на Дальнем Востоке // Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1974. С. 28—33.
6. Первые сведения о топонимике Приморья // Материалы по истории и культуре народов Дальнего Востока. Владивосток, вып. 1 (Доклады, сообщения, заметки). Материалы симпозиума по проблеме «История и традиции отечественного востоковедения на Дальнем Востоке» (Владивосток, март 1969). Владивосток, 1974. С. 94—102. ДСП.
7. Трансформация некоторых топонимов в Приморье // Материалы по истории и культуре народов Дальнего Востока. Владивосток, вып. 1 (Доклады, сообщения, заметки). Материалы симпозиума по проблеме «История и традиции отечественного востоковедения на Дальнем Востоке» (Владивосток, март 1969). Владивосток, 1974. С. 102—111. ДСП.
8. Словарь китайских топонимов на территории советского Дальнего Востока / отв. ред. Ю.А. Сем. Владивосток, 1975. 221 с. ДСП.
9. Китайское отходничество на Дальнем Востоке в эпоху капитализма (1861 — февраль 1917 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 1979. 32 с.
10. Как пекинские фальсификаторы искажают историческую правду // У карты Тихого океана. Владивосток, 1980. № 1—2. С. 11—17. ДСП.
11. XII съезд КПК об итогах и перспективах политического и социально-экономического развития КНР с 1976 г. до конца XX столетия: Методический бюллетень Дома политпросвещения при крайкоме КПСС, № 169. Владивосток, 1984. 36 с. ДСП.
12. На старой идейной основе: Китай сегодня // У карты Тихого океана. Владивосток, 1984. № 11. С. 37—43. ДСП.
13. Интернациональные связи советского и китайского народов в 20-е годы // Становление советско-китайских отношений (1917—1950-е годы). Владивосток, 1987. С. 9—22.
14. Забастовочная борьба на КВЖД в 1918—1920 гг. // Новое в изучении Китая: История и историография. М., 1988. С. 118—125.
15. Китайское отходничество на Дальнем Востоке в эпоху капитализма (1861—1917 гг.) / отв. ред. А.И. Крушанов; рецензенты: И.А. Рогачёв, В.И. Потапов. М.: Наука, 1989. 127 с.
16. Во имя процветания: об экономическом развитии малых народностей провинции Хэйлунцзян: Китай сегодня // У карты Тихого океана. Владивосток, 1989. № 12. С. 26—34. ДСП.

Дата поступления в редакцию 01.02.2021